

Кангиева А.М.

УДК 821(512.19)-97

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ СЕЛИМА ДИВАНЕ КАК СРЕДСТВО ПРИБЛИЖЕНИЯ ЧИТАТЕЛЯ К БОГУ

Аннотация. Раскрыта связь между средствами выразительности художественной речи и категориями богословия на примере анализа суфийского трактата Селима Диване. Рассмотрены концептуальные метафоры, связанные с сердцем: «око сердца», «завеса на сердце», «видение сердца»; образ пути, «людей видения» и другие средства художественной выразительности, с помощью которых поясняется концепция приближения к Богу. Продемонстрировано, как через искусство автор произведения может выразить глубинные мировоззренческие ценности. Проведены параллели с философией постмодернизма, сделан вывод о том, что различные философские парадигмы оперируют присущим только им набором символов и вызывают в читателе различную гамму чувств.

Ключевые слова: Селим Диване, суфийский трактат, приближение к Богу, суфийские метафоры, философия искусства.

Анотація. Розкрито зв'язок між засобами виразності художнього мовлення і категоріями богослов'я на прикладі суфійського трактату Селіма Діване. Проаналізовано концептуальні метафори, пов'язані із серцем: «око серця», «завіса на серці», «бачення серця»; образ шляху, «людей бачення», інші засоби художньої виразності, за допомогою яких пояснюється концепція наближення до Бога. Продемонстровано, як через мистецтво автор твору може виражати глибинні світоглядні цінності. Проведено паралелі з філософією постмодернізму, зроблено висновок про те, різні філософські парадигми оперують властивим для них набором символів і викликають в читачі різну гаму почуттів.

Ключові слова: Селім Діване, суфійський трактат, наближення до Бога, суфійські метафори, філософія мистецтва.

Summary. "Disclosing the Qualities of Knowledgeable People," by the 18th century Crimean Tatar theologian Selim Divane, unveils the relationship between our artistic mode of language expression, on the one hand, and, on the other hand, the theological categories of our expression.

Divane discusses and demonstrates how deep spiritual and philosophical values can be expressed through art. Although a known Sufi theological theorist, Selim Divane, was, at the same time, a master of artistic communication. While using images full of subtle and sublime feelings of softness and lightness, Divane initiates a mental and moral transformation in the reader — a dawning leading to a profound spiritual and moral transformation.

In Divane's understanding, a person's heightened spirituality, (one's proximity to God) is a consequence of one's God-fearing awareness, which determines one's intrinsic value before God, and is revealed by a variety of images and metaphors.

By analyzing the metaphor, "approaching God," as well as metaphors related to the heart, for example: the "eye of the heart," a "veil on the heart," the "vision of the heart," and the image, "men of vision," Selim Divane elucidates for the reader the concept of "approaching God."

Divane pinpoints the main ways of "approaching God" as: (1) unswerving obedience to God, (2) performing God's commandments, (3) community service, (4) a deep love toward people, (5) exempting one's heart from attachment to worldly things, and (6) relentless commitment to God in every thought, word, and deed.

The article draws parallels with the philosophy of postmodernism. It is concluded that certain philosophical paradigms operate on a different set of characters and evoke in the reader a different range of emotions.

Keywords: sufi tractate, Selim Divane, closeness to God, philosophy of arts, sufi metaphors.

Читая суфийские произведения, мы неизменно встречаем ряд ярких метафор, глубоких неожиданных аллегорий, образов и фигур, которые использовались авторами для выражения божественных истин.

Данная статья посвящена анализу художественных образов Селима Диване Крымского, изображенных им в трактате «Miftâhu Müşkilâtı'l-Ârifin» («Раскрытие качеств познавших») [5] с целью приближения души читателя к Богу и установления прочной связи между человеком и Всевышним Творцом.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием научных разработок, посвященных рассматриваемому в данной работе произведению, с одной стороны, и научной и социальной ценностью таких разработок, с другой, поскольку объект исследования является сохранившей аутентичность, этнографически и научную уникальность частью культурно-исторического и научного наследия Крыма.

Цель статьи: проанализировать художественные средства суфийского трактата как форму выражения религиозно-философской категории приближения и Богу.

Центральными категориями в суфизме являются воплощенные в образной форме категории Пути (tariqat), сердца (qalb) и приближения (как процесса) или близости (как некой духовной степени, стоянки) к Богу (qurb).

Приближение, путь, близость в буквальном значении – пространственные категории. Толковые словари дают нам следующий спектр смыслов слова «близкий»: недалекий по расстоянию; отдаленный небольшим промежутком времени; связанный кровным родством; связанный тесным личным общением, дружбой, любовью, тесно связанный с чем-либо, кем-либо, например, «близкие отношения» [6].

Термин «близости к Богу» Селим Диване передает в своих произведениях таким суфийским понятием, как «курб» (kurb). Османско-турецкий словарь [8] предлагает следующее его толкование: «близость, состоящие близости, удостоиться близости»; далее автор словаря приводит производное от «курб» – «курбат» (суффикс «-ат» в арабском, староосманском указывает на состояние, процесс [2]) – «близость к Богу»; «курбиет» (происходит от прилагательного «курбий», близкий, еще большая акцентуация

процессности, целенаправленного движения) – приближение к чему-либо собственными усилиями; в учении о святости – удостоиться духовной близости к Богу». Арабско-русский словарь Шарбатова [7] поясняет «курб» как близость, родство, связь.

Так что же значит «путь суфия» как «путь приближения к Богу»? Из приведенных выше значений близости, предложенных в толковых словарях, особый интерес для нас представляет четвертое: «связанный тесным личным общением, дружбой, любовью, тесно связанный с чем-либо, кем-либо». Говоря о приближении к Богу, суфии имели в виду отнюдь не пространственное движение. Как известно, базовый догмат Ислама – непостижимость Бога в сущности, существование Бога вне пространства, направления, а главная формула понимания Бога выражена одним из суфийских ученых, Ахмедом ар-Рифаи, следующим образом: «Высшее, что можешь ты постичь в познании Бога – убеждение о существовании Его вне образа и вне места», что исходит из другого правила: что бы ты себе ни представил, Господь на это не похож.

Остановимся на двух концептах поясняющих метафорическое приближение: увеличение любви и укрепления связи (смыслы приближения, так или иначе связанные с движением и пространством в буквальном значении – мы отмечаем как противоречащие исламскому контексту). Что же тогда эта за любовь, приближающая раба к Господу, дающая особую связь между человеком и Богом?

Поясняя читателю идею близости к Богу, автор говорит: «Чем больше человек углубляется в единобожии изо дня в день, понимая и узнавая все лучше Истинно Сущего Бога, тем больше растет и степень его близости к Богу («...Hakk'ı anlaması ve bilmesi ziyâde olup Hakk'a kurbi ziyâde olur»). Но как бы близок ни был человек к истине, суфийский ученый предостерегает его от опасности разрыва связи со своим ближним, указывает на важность добрых взаимоотношений между людьми как неотъемлемое условие близости к Богу: «Чем выше степень близости к Богу ... тем больше любви к людям» («Hakk'a kurbi ziyâde olduğu andan fehm olunur ki gitdükçe halkı ziyâde sever») [5].

Эта яркая и глубокая, имманентно присущая суфийской доктрине аллегория пути как средства приближения к Богу, в дальнейшем раскрывается автором через такие образы, как «чистое сердце», «око души», «видение сердца», «завеса на оке сердца», «пленник и раб страстей», «баланс внутреннего и внешнего как два крыла птицы».

Используя данные образы, мыслитель поясняет, что сердце – главный инструмент познания Истины, обитель веры и любви к Всевышнему – единственно способно «видеть» (т.е. понимать подлинную природу вещей, различая правду и ложь; направлять человека путем правды) и приближаться к Богу. Высвободившись из плена любви к мирскому, «сердце очищается от раздумий о сотворенном, бренном» («...her gönül ki mâsivâ fikrinden râk ola»), а обладатель такого сердца превращается в «Человека Видения, с каждым вздохом постигающего могущество Совершенного Всевышнего Бога, и прося у него беспрепятственно еще и еще знаний» («...ehl-i basiret olup her nefesde Bârî-i Taâlâ'nun halkda envâ-i âsâr-ı kudretini göiüp ... öyle zât-ı şerîfe her nefesde her günâ ilim tahsil ider»).

«Люди Видения», достигшие некоего прозрения, удостоенные различать правду и ложь, истину и заблуждение, обладают сердцем, способным вместить осознание того, что «Бог с человеком, где бы тот ни был», и всякое деяние человеческое – создано Богом, и всякое намерение и хотение – создано Единым Богом и никто, кроме Бога их не создавал, поскольку ничто не вошло во Вселенную без создания Бога и Его Воли.

«Такой влюбленный (ашык) – чтоб обрести близость с Тем, кого любит, молится беспрепятственно. Из его признаков – ничем он не возмущен, ничто он не отрицает. Ибо знает, Совершенный Всевышний Бог не творит ничто попусту» («Böyle âşik dâima vuslat namazı kılar. Bu makamda olan âşıkın alâmeti oldur ki, hiçbir şeyi inkâr itmez ve bir nesne görmez. Bilür ki, Bârî-i Taâlâ hiçbir şeyi abes halk itmemişdür»).

И в этих словах мы видим пример глубокой осмысленности своего бытия, осознанности, мерное, покойное журчание сердечного довольства и светлой радости, не зависящей от обстоятельств, но проистекающей из глубины веры и смирения. И сколь велик контраст этой картины мира, изображенной суфийскими мастерами слова, такого мироощущения – с картиной мира философов и литераторов 20-21 вв. «...Трагическое бессилие человека в его столкновении с абсурдностью современного мира...» [1] – так чувствовали мир писатели постмодерна.

«Все указывает на Истину. Все по Воле Всевышнего. Все на своем месте» («Cümlesi hakdur ve cümle Hakk'un dilemesi ile olmuştur. Her şey yerli yerinde iyidir») – таким описывал мир Селим Диване, ссылаясь на священные писания.

Мотив бессилия и абсурдности скрыт в образах кафкианских чудовищ и в чувствах героев Сартра – мотив осмысленности и радости зашифрован в образах сердца, полета, «раскрытых завес» суфийских мастеров.

Литературное искусство – есть философия в чувствах и образах. Образы же, нами исследуемые, в конечном итоге отражают некие предельные основы бытия. Вселенная, которую, словно книгу, читает Селим Диване – связная, полная смыслом картина, а не свалка враждебных абсурдных фактов. Автор показывает читателю, как вера возносит к высшему счастью правдивого осмысления, целостности. Рисунки, звуки, запахи, чувства – все создано со смыслом, с мудростью, все предопределено Богом.

Поясняя свою концепцию, ученый непременно приводит доказательства и аргументы из признанных в исламской доктрине источников: Корана, высказываний пророка Мухаммада. В частности, необходимость перманентного, неустанного приближения к Богу как единственно гармоничного, природного состояния человека, автор основывает на таких стихах Корана, как: «Где бы вы ни были – Он (Всевышний) вместе с вами» (16:128), «Воистину, Бог с теми, кто в благоговении Его страшится и вершит добро» (62:26).

Традиционную для тасаввуфа антонимичную пару «курб-бу'д», «приближение-отдаление», (бу'д – антитеза приближения; состояние человека, который отвернул свое сердце от Бога и не стремится к Его Милости и Довольству, живя в забвении [4]), Селим Диване выражает, главным образом через символику «завесы» (hicab), пелены мирских, бранных и преходящих ценностей, покрывших око сердца и скрывающих от нас подлинное бытие.

«Пелена кажимости», как центральное понятие агностицизма, а также один из главных концептов платоновского «Пира» - встречаемые в разных литературных произведениях разных эпох, народов, несут тот же смысл, что вкладывал Селим Диване в образ завесы-хиджаба, прорубая которую, человек приближается к Истинно Сущему.

Приближение для суфиев – не означает, что между рабом и сущим вне пространства Всевышним Творцом есть некие физические дистанции, отрезки и промежутки. Он вне направления, вне расстояний, вне времени. Он не везде, не в Раю, не над небесами. И даже в Раю, когда любящее творение будет видеть Его, между рабом и Господом не будет расстояния. Он просто есть, но не говорится о Нем "Где Он?", "Каков Он?"

Однако верующий, ашык, влюбленный, мечтает приблизиться к Нему «...осознавая, что все сущее, все, что вошло в бытие – по сотворению божьему...» [5]. Близость эта - не физическая, пространственная, буквальная; близость иносказательная, исходящая из глубины понимания, из бытийной убежденности, осознанности и прочувствования. Когда говорит автор, что поклонение человека приближает к Всевышнему – подразумевает, что чаще человек думает о Нем, больше любит Его, лучше старается ради Него, тщательнее выполняет Его повеления, каждый момент живет с осознанием, что видит Он людей и создает в людях каждый их вздох, дарует блага.

Таким образом, подводя итог сказанному, хотим заключить, что близость к Всевышнему в понимании автора указывает на высокую духовную степень человека и является следствием его осознанности и богобоязненности, определяет его истинную ценность перед Господом. Главные пути приближения к Богу, называемые автором: неуклонная покорность Богу, выполнение Его велений; служение обществу и глубокая любовь к людям; свобода сердца от привязанностей к мирскому и неустанное стремление к Богу в каждом поступке, мысли и слове.

При раскрытии темы, Селим Диване предстает пред нами не только как ученый-теоретик, богослов, но и как искусный художник, владеющий мастерством художественной коммуникации посредством непревзойденных образов и символов. Его образы полны тонких и возвышенных чувств, мягкости и легкости, свойственных тюркским представителям тасаввуфа, ашикским поэтам, в отличие от характерных для арабских суфийских мастеров категоричности и ригоризма.

Анализ подобных текстов многогранно раскрывает тезис А. Гумбольдта о том, что язык – есть не система, но деятельность, поскольку мы видим, что конечная цель и результат, который предполагал автор при создании своего произведения – есть глубокие психические, нравственные трансформации читателя, инициирование чувств и эмоций, ведущих к глубоким духовным трансформациям.

Источники и литература:

1. Кафка Ф. Зниклий безвісти [Америка] / Ф.Кафка. – К. : Критика. – 2009. – 280 с.
2. Чернов П. В. Справочник по грамматике арабского литературного языка / П. В. Чернов. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 473 с.
3. Fethullah Gülen M. Kalbin Zümrüt Tepeleri / Fethullah Gülen M. – İzmir, 2008. – 274 s.
4. The Meccan Revelations by Ibn Arabi / translations and comments by Mohamed Haj Yousef. – 2013. – 430 p.
5. Türkiye Dışındaki Türk Edebiyatları Antolojisi Kırım Türk - Tatar Edebiyatı 13. Cilt. – Ankara : Kültür Bakanlığı, 1999. – 753 s.
6. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
7. Шарбатов Г. Ш. Арабско-русский учебный словарь / Шарбатов Г. Ш. – М.: Рус. яз., 1981. – 1076 с.
8. Osmanlıca-Türkçe Sözlük, ed. Mehmet Dikmen. – İstanbul, 2012. – 491 s.